

Глава первая

Чехия, Прага

2023 год

Барбара смотрела на бочку и не верила своим глазам. На покато́м деревянном боку была нацарапана защитная руна. Резали на совесть — лезвие ножа глубоко погружалось в доски, которым, по словам пана Гесса, исполнилось уже лет двести.

— Как она сюда вообще попала? — пробормотала девушка, имея в виду не ру́ну, а собственную мать.

Вопрос был риторический. Фрау Вернер, устроившая этот безобразный акт вандализма, могла попасть во внутренние помещения пивоварни лишь одним способом — позаимствовав у Барбары ключи. Мать, конечно, являлась известной ведьмой, и её услуги высоко оплачивались. Но проходить сквозь каменные стены и дубовые двери она, к счастью, ещё не научилась.

Барбара послушавила подушечку большого пальца и потёрла ру́ну Турисаз. С виду эта скандинавская руна напоминала топорик и обладала теми же свойствами, что и секира викинга. Она рубила, рассекала и наносила ответный урон обидчику. Но сейчас урон был нанесён только собственности пана Гесса.

Дерево впитало слюну, руна немного потемнела, но всё равно оставалась заметной.

— Чёрт! — бросила Барбара.

Она точно знала, что мать не ограничилась тем, что нацарапала на старинной бочке руны Турисаз. Если уж фрау Вернер решала очистить пространство от негатива или расставить защитные чары, она подходила к делу основательно. Так, чтобы нечисти становилось тошно даже смотреть в сторону её дома... а заодно и «Хмельного гуся» — семейной пивоварни Гессов, куда её дочь имела неосторожность устроиться официанткой.

Длинное подземелье напоминало заброшенную ветку метро, не хватало только ржавых рельсов на полу. Кирпич, из которого были сложены стены и сводчатый потолок, потемнел от времени. Тусклые желтоватые лампы под металлическими плафонами висели на приличном расстоянии друг от друга. Пан Гесс регулярно водил сюда экскурсии, и, следуя за ним, туристы пересекали несколько коротких светлых участков и несколько длинных, погружённых в полумрак. В глубине подземелья стоял главный экспонат коллекции — старушка Марта.

Как и его далёкие предки, своё лучшее пиво пан Гесс выдерживал в деревянных ёмкостях. Разумеется, бочки, мимо которых проходила Барбара, сделали уже в наше время — после нескольких лет службы поры досок забивались, и дерево переставало насыщать напиток особым вкусом и ароматом. Но, глядя по сторонам, нетрудно было поверить, что со Средних веков здесь ничего не изменилось. Справа и слева на массивных козлах возлежали огромные дубовые бочки, перетянутые железными обручами. Кое-где в простенках и нишах стояли рыцарские доспехи, возле которых так любили фотографироваться гости.

Барбара принялась метаться по мрачноватому подземелью. Она заглядывала в каждый угол, изучала каждую стену и каждую бочку в поисках защитных надписей и колдовских зна-

ков. Если кто-нибудь из гостей увидит на полу перевернутую пентаграмму, нарисованную кровью цыплёнка, и огарки чёрных свечей, это, пожалуй, вызовет вопросы. А заодно приведёт к тому, что Барбаре придётся искать новую работу. В том, что пан Гесс обвинит в порче имущества (и колдовстве на рабочем месте) недавно нанятую официантку, сомневаться не приходилось. Ведь из всего персонала только её руки покрыты татуировками, совсем как у фанатки тяжёлого рока или у чокнутого шамана, служителя культа Одина.

Нет, на руках у неё красовались не только руны, ещё кабалистические символы, пентаграммы, иероглифы... но кто там будет разбираться! Только когда Барбаре перевалило за четырнадцать, она начала задаваться вопросом: а это вообще нормально, когда собственная мать татуирует тебя на съёмной квартире или в дешёвом лав-отеле, где за тонкой стеной постоянно кто-то стонет?

«Когда за нами придут демоны, ты ещё спасибо скажешь», — говорила фрау Вернер, макая иглу в чернила, приготовленные по специальному рецепту, и загоня краску Барбаре под кожу.

В любую погоду, и зимой, и летом, от кирпичных стен подземелья веяло замогильным холодом. Это было хорошо, ведь пиво выдерживалось при температуре не выше пяти-шести градусов. Сама пивная также располагалась в подвале, вровень с рабочими помещениями, и стены там представляли собой кладку из грубо отёсанного пористого камня. Но туристы приезжали в «Хмельного гуся» не ради комфорта или изысканных интерьеров. Всё, что могло предложить заведение по этой части, — жёсткие деревянные скамьи, выглядевшие так, словно пан Гесс умыкнул их из какого-нибудь костёла, низкие своды и окошки под самым потолком, совсем как в тюрьме. Зато рецепт пива, которое готовилось в этих стенах, не менялся уже

триста лет. Пан Гесс варил всего два сорта, светлое и тёмное, и делал это в точности так же, как его далёкие предки, жившие при Габсбургах. Благодаря такой приверженности традициям пивоварня упоминалась в каждом втором путеводителе для туристов. «Окунись в атмосферу средневековой Чехии», «Отведай на вкус настоящую легенду» и всё в таком духе.

Мама оставила «подарочки» в узких проёмах между бочками, за тускло блестящими доспехами и даже в щелях кирпичной кладки. Барбара то и дело находила перевитые нитками холщовые мешочки, букетики сухостоя и бумажки с колдовскими надписями. Всё это она складывала в карман фартука. Буквально за пятнадцать минут ей удалось собрать немалую коллекцию талисманов. И это только в одном помещении! А ведь ещё оставалось множество цехов, подсобок, кухня, сам гостевой зал! Что будет, если хозяин начнёт наткаться на странноватые предметы, которым не место в приличном ресторане? Даже с его любовью к Средним векам пан Гесс решит, что кто-то из персонала нуждается в услугах психиатра! К счастью, уборка сегодня была на Барбаре. Может, удастся отыскать всё прежде, чем её вызовут на ковёр...

Якуб Гесс бережно хранил старинные бочки, которые уже не использовались в производстве пива, антикварные дробилки для солода и помутневшие стеклянные бутылки, созданные стеклодувами далёкого прошлого. Всё это тянуло на музейные экспонаты и украшало подземелье. Но уже много лет жемчужиной его коллекции оставалась старушка Марта, гигантская бочка, которой стукнуло около трёх сотен лет. Она лежала на боку, занимая всё пространство от левой стены до правой и от пола до потолка. Пан Гесс нанял реставраторов, которые восстановили её, и теперь с гордостью показывал туристам. По семейной легенде, когда старушка Марта отработала свой срок в качестве пивной бочки, её собирались пустить на щепу

или дрова. Но главный пивовар додумался, как использовать огромную ёмкость, не разбирая её на доски. В подземелье начали проводить закрытые праздники для знатных горожан, а в бочку сажали музыкантов. Скрипачи и флейтисты не видели, как развлекается знать, и не знали, о чём те говорят, потому что звук гудел внутри старушки Марты, мешая подслушивать.

Барбара приближалась к реликвии Гессов с тяжёлым сердцем и раньше времени старалась даже не смотреть в ту сторону. А когда всё же набралась смелости, увидела на передней стенке огромной бочки нацарапанные руны Уруз, Науд и Беркана. Каждый символ высотой в метр, не меньше.

— Ну нет же... — простонала девушка, в отчаянии взъерошив светлые, слегка вьющиеся волосы.

Такое слюной и пальцем не исправишь. Несколько секунд Барбара стояла, запустив обе пятерни в причёску, и не отрываясь смотрела на этот кошмар. А потом издала нервный смешок, оценив своеобразный юмор матери. В магии рун эта формула носила название «руны пива».

К пиву викинги относились трепетно, считая, что этот напиток помогает общаться с богами. А формулу, которую Барбара видела перед собой, скандинавы часто наносили на рога и пивные кружки. В памяти тут же всплыли строчки из «Старшей Эдды»:

*Руны пива
познай, чтоб обман
тебе не был страшен!
Нанеси их на рог,
на руке начертай,
руну Науд — на ногте¹.*

¹ Перевод с древнеисландского А. И. Корсуна.

Это была мощная магическая формула, или, по-другому, рунический став. Он помогал избежать неприятностей и болезней. А ещё помогал понять своё предназначение, и в этом Барбара усмотрела намёк. Фрау Вернер не хотела, чтобы её дочь работала в «Хмельном гусе». Не хотела, чтобы она проводила время здесь, в пивоварне, вместо того чтобы практиковаться в магии. Барбара сделала по-своему и теперь не сомневалась, что её уволят. А заодно выселят со съёмной квартиры, ведь они с матерью снимали жильё здесь, прямо над пивной.

Барбара не знала, запланированы ли на сегодня экскурсии. Если да, то скандал разразится очень скоро. Единственное, что она могла сделать, — собрать разбросанные по «Хмельному гусю» амулеты, пока их не обнаружил кто-то другой.

Не все рабочие помещения выглядели как подzemелье, где стояла старушка Марта. Анфилада гулких цехов, где располагались баки открытого брожения и пронумерованные стальные цилиндры, похожие на баллистические ракеты, вела на задний двор. Большинство этих помещений построили уже в двадцатом веке, и стены там покрывала белая кафельная плитка. В воздухе стоял густой аромат зерна и хмеля.

Барбара осмотрела каждый зал, пополнила коллекцию талисманов (передний карман её фартука уже заметно топорщился, источая запахи ладана и засушенных трав) и стёрла несколько защитных надписей со стен и стальных чанов. Последний, варочный, цех находился уже над поверхностью земли и был пристроен к старинному зданию, где располагался «Хмельной гусь», примерно в середине двадцатого века. Барбара поднялась по ступенькам и приоткрыла железную дверь.

Пан Гесс не признавал газ, поэтому его пиво, как и в прежние времена, варилось на дровах. В центре помещения возвышались три вертикальных чана, соединённые стальными трубами разной толщины. Из них как грибы росли много-

численные датчики, показывавшие давление и температуру. Основанием для двух чанов служили массивные квадратные печи, сложенные из огнеупорного кирпича жёлтого цвета.

Несмотря на прохладную погоду, железные ворота, ведущие на задний двор пивоварни, были распахнуты. Когда Барбара заглянула в цех, Адам, старший сын пана Гесса, как раз вкатил внутрь тачку, полную досок, и принялся бросать их в топку. Младший, Давид, занимался тем, что очищал третий чан. Орудуя лопатой, он выгребал оттуда дробину — светло-коричневую массу, в которую превращалось ячменное сусло. Дробина отправлялась в тачку, а потом, насколько знала Барбара, — на корм курам. Оба Гесса походили на отца — такие же маленькие, коренастые и, если речь не заходила о пивоварении, неразговорчивые. Барбаре они напоминали молодых — и потому безбородых — гномов, суетящихся возле пылающего горна.

В одну руку Барбара взяла веник, в другую совок и решительно вошла в цех. Давид поднял на неё удивлённый взгляд. Разумеется — ведь она подметала здесь не далее как полчаса тому назад.

— Ты плохо о нас думаешь, — сказал он. — Мы ещё не успели намусорить.

Понимая, что, если начнёт махать веником по чистому полу, параллельно заглядывая во все щели, это будет выглядеть странно, Барбара пояснила:

— Я где-то выронила блокнот, в который записываю заказы. Хотела поискать.

Молодой человек коротко кивнул и вернулся к работе. Барбара быстро осмотрела цех, но всё, что нашла, — пара защитных рунических ставов, написанных углём на обратной стороне печей. Кирпичи и без того были закопчённые, надписи не слишком бросались в глаза, и она махнула на них рукой. У Барбары имелся ключ от парадной двери. Значит, фрау Вер-

нер зашла в «Хмельного гуся» со стороны улицы и двигалась от помещения к помещению, раскладывая заранее приготовленные обереги. К тому моменту, как она добралась до варочного цеха, её запас иссяк.

Убедившись, что Адам или Давид не наткнутся на размалёванный рунами куриный череп или ещё какую-нибудь диковинку, Барбара вышла на задний двор подышать свежим воздухом. У каменных стен стояли стальные кеги, там и тут возвышались пирамиды из ящиков, а в центре была свалена огромная гора старых поломанных палеток. Пан Гесс за бесценок покупал их, чтобы пускать на дрова.

Барбара села на табурет и прислонилась лопатками к холодной стене. Сюда работники «Хмельного гуся» ходили во время перерывов, и, глядя на втоптанную в грязь окурки, девушка пожалела, что не курит. Дейлинка говорила, это успокаивает нервы, а сейчас кое-кому не помешало бы расслабиться.

Сегодня, в тринадцатый день октября, над Прагой висели тучи, похожие на комья грязного белья, отяжелевшего от влаги. Пахло грозой, хотя дождь не спешил пролиться. Барбара смотрела на мрачное, набрякшее водой небо и размышляла, что в этом месяце останется без зарплаты. Пан Гесс пустит её деньги на реставрацию старушки Марты.

Фрау Вернер имела привычку постоянно жаловаться, что им не хватает денег. Хотя при этом зарабатывала больше, чем можно было подумать, увидев её гардероб и старенький фольксваген. Она то и дело привлекала Барбару к работе — давала ей консультировать клиентов онлайн, проводить обряды на снятие порчи, венца безбрачия и родовых проклятий. Но все заработанные деньги шли в общую кассу. Если Барбаре что-то требовалось — одежда, обувь, книги, — ей приходилось об этом просить. Она сказала матери, что идёт к пану Гессу, чтобы иметь карманные деньги, скрыв истинную причину.

Фрау Вернер не хотела, чтобы её дочь работала, — ведь это напрочь ломало установленные порядки. Обычно Барбара молча принимала правила игры. Но в этот раз фрау Вернер ждал сюрприз — её покладистая дочь внезапно встала в позу.

— Я пойду работать, — заявила Барбара в тот памятный день.

Она преподнесла новость за ужином, надеялась, что у матери, весь день консультировавшей клиентов, не осталось энергии на споры.

— Что?! — услышав это, фрау Вернер поперхнулась овощным рагу.

— Меня берут, это уже решено!

Если бы мать узнала, что Барбара планирует собрать сумму для того, чтобы съехать на съёмную квартиру, она бы, наверное, устроила в «Хмельном гусе» пожар или попыталась известить пана Гесса при помощи колдовского проклятия. Понимая это, девушка делала упор на то, что хочет иметь карманные деньги, заработанные своим трудом.

— Что за глупости?! Ты и так работаешь! Если хочешь, можем поделить бюджет. Пожалуй, давно следовало это сделать, ведь ты уже не маленькая девочка...

— Это твой бизнес, твои клиенты! Я хочу попробовать сделать что-то сама.

— Похоже на переходный возраст. — Фрау Вернер закатила глаза. — Интересно, в семнадцать я тоже была такой невыносимой?

— Думай что хочешь. Но учти — если послезавтра ты скажешь, что нам снова пора переезжать, я никуда не поеду!

— Ты несовершеннолетняя, — напомнила мать. — И не можешь жить самостоятельно.

— Через полгода мне исполнится восемнадцать. И ты никак не можешь заставить меня переехать, если я этого не хочу.

— Почему это не могу?

— Мы же сами по себе, — пожалала плечами Барбара. — Когда подростки не слушаются, начинают хулиганить или принимать наркотики, родители обращаются к школьному психологу. Дело может дойти до социальных служб или полиции. А теперь я отказываюсь тебя слушаться. Что ты сделаешь? Заколдуешь меня?

— Как ты разговариваешь с матерью?!

— Я собираюсь встретить свой день рождения в Праге, — отрезала Барбара. — Это моё решение.

— Когда до нас доберутся демоны, ты по-другому запоёшь! — Это было последнее средство, и, похоже, фрау Вернер ещё не поняла, что оно давно перестало работать.

— Возможно, — кивнула Барбара. — Но прежде чем бежать куда-то, хотелось бы хоть однажды их увидеть.

В тот раз она впервые в жизни вступила в конфликт с матерью. Фрау Вернер пошла на уступки, но со временем почувяла неладное: Барбара работала в «Хмельном гусе» уже несколько месяцев, но не покупала себе новых вещей и всё ещё ходила со старым телефоном. Мать наверняка догадалась, что та собирает деньги, и решила сделать так, чтобы Барбару уволили.

«Значит, я возьму деньги у мамы так, чтобы она не знала, — решила девушка. — Пошла она к чёрту!»

Начиная новую жизнь, Барбара хотела сделать всё правильно. Но раз фрау Вернер решила играть нечестно, да ещё прикрываясь заботой о дочери, то и ей не грех запустить руку в общую кассу.

Из открытых ворот возникла Дейлинка. Её длинные рыжие волосы были собраны в хвост, на острых скулах и носу горели веснушки, карман фартука оттягивал перекидной блокнот.

— Бэбс! А я тебя обыскала. Бросай свои швабры, ты нужна в зале!